

Захаревич А.В.

Кандидат исторических наук (г. Ростов-на-Дону).

**Поражение казаков Донского полка Араканцева 29 октября 1808 года
при переправе закубанцев у крепости Прочноокоской.**

Тема данной статьи посвящена раскрытию слабоизученного в отечественной историографии Кавказкой войны момента - успеху горцев при переправе через Кубань после удачного набега на территорию России. Как это не печально признавать, но главными виновниками этой «конфузии» российского воинства были донские казаки. Коль скоро мы взяли на себя труд объективно освятить участие донцов в оборонительном периоде войны на Кавказе в 1801-1816 гг., то придется описать и негативные стороны деятельности донцов-молодцов, которых мы привыкли видеть только воинами – победителями. Говорят, «нет отечественной историографии без любви к отечеству»¹. Это верно. Но истинный патриотизм, как подчеркивал В.Г. Белинский, «обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всяком отечестве»². Идя вслед за великим русским критиком, мы опишем неприглядные действия донских казаков в разгар Кавказской войны, которые затем послужили основанием и командованию русской армии и горцам назвать их на данном театре военных действий «камышом», что подчеркивало никчемность сынов Тихого Дона в боях против гордых сынов Кавказа.

Историография этого вопроса насчитывает всего двух авторов, но они, из желания «потрафить» национальному чувству, дали описание этого боя в слишком розовых тонах.

Первый из них - это академик П.Г. Бутков, сам участник начального этапа боев за Кавказ³, затем занявшийся научной деятельностью и написавший солидный труд по истории Кавказа⁴. В «Хронологическом указателе, составленном Л. Броссе» и включенном П.Г.Бутковым в свой трехтомник об этом событии сказано: «1808-окт.- Закубанцы переправляются близ Прочного Окопа чрез Кубань, производят набег и отгоняют на Егорлыке до 1 тыс. голов

скота. Донской полковник Араканцев дает им отпор, но терпит большой урон»⁵. Помимо своеобразного освещения событий, Л. Броссе производит командира Донского полка в полковники, хотя тот в это время (а также много времени и далее – А.З.) оставался подполковником!

Второе упоминание мы встречаем у «Нестора Кавказской войны», виднейшего русского военного историка генерал-лейтенанта В.А. Потто. Он пишет: «Главнейшей заботой его (Булгакова С.А., командующего войсками на Кавказской линии в 1806-1811 гг.-А.З.) было обеспечить русские поселения от закубанских горцев, набеги которых приняли неслыханные дотоле размеры. С этой целью он выставил на Кубани два сильные отряда. Но несмотря на их присутствие, как только наступила осень и начались темные ночи, вся Кавказская линия снова была поражена дерзостью закубанских горцев. Сильная партия их, прорвавшись у Прочного Окопа, проникла до Егорлыка, угнала тысячу лошадей и нанесла большой урон Донскому полку полковника Араканцева, попытавшемуся было отбить у нее добычу...»⁶. Здесь мы видим более объективную оценку событий (В.А. Потто хотя бы не пишет бутковское «дает им отпор»- А.З.), но и он производит донского командира в полковники?!!

Ну а такой замечательный знаток Кавказа, каким был генерал - от - артиллерии Н.Ф.Дубровин вообще посчитал излишним что-либо упоминать об этой схватке донцов с горцами⁷, хотя именно благодаря его заботам нам ранее удалось сделать ряд поправок в отечественной историографии Кавказской войны, касающейся периода 1801-1802 годов⁸. Чем ближе подходило время описываемых событий к Ермолову, тем менее Н.Ф.Дубровин вглядывался в частности, что и породило то, что «целые пласты» Кавказской войны в его труде оказались вообще не затронуты, а они тои были связаны с донскими казаками. Поэтому, если в III томе его труда они еще «скачат», то к V-му тому появляется все реже и реже (имеется в виду Кавказская линия, т.к. боям с персами и турками и участию в них донцов Н.Ф. Дубровин уделяет достаточно места - А.З.).

В силу описанных выше особенностей историографии данного вопроса, нам придется быть «пионерами» в этой теме и далее строить изложение статьи исключительно только на архивных материалах, в которых изложены все тонкости «конфузии» донцов.

Прежде всего, стоит поближе познакомиться с «виновником» всех этих событий - подполковником Араканцевым. Происходил он из казачьих детей

станции Верхне-Михалевской и на 1808 г. ему было 44 года⁹. Звали его Филипп Иванович и по другим данным на 1812г. ему было уже 57 лет¹⁰. При Войске Донском имел 26 душ подданных. Умел читать и писать по - русски. Под судом не был. Женат был на казачей дочери Агафье Григорьевне, но детей от нее не имел¹¹. Что касается прохождения им службы, то в нее он вступил казаком 12 сентября 1776 г., но зачислен был в полк полковника Макарова только 12 мая 1777 года и находился с ним поначалу в Польше, а с 22 мая 1779 г. – в Крыму. Причем, именно 22 мая 1777 г. он был произведен в полковые писари. После «льготы» с 6 сентября 1782 г. в составе полка полковника Гордеева несет службу на южной границе России по 16 августа 1786 г. За этот период 16 сентября он был произведен в хорунжие, а 9 декабря 1784 г. – в полковые квартирмистры. С 16 августа 1786 г. по 16 апреля 1787 г. участвовал во встрече и конвоировании императрицы Екатерины Алексеевны к Перекопу. Пока продолжалось движение поезда царицы, 6 апреля 1787 г. он был переведен в полк полковника Денисова. В это время начинается война с Турцией. И здесь в послужном списке стоит странная фраза « по уничтожении полка Денисова»¹², встречающееся и в других списках¹³, (что она обозначает - не очень ясно - А.З.), но пока в отечественной историографии не было известно об уничтожении донского казачьего полка турками именно в это время. Так или иначе, 7 апреля 1788 г. он переходит служить в полк полковника Исаева, где 9 мая 1788г. был произведен в есаулы и участвует в боях под Очаковым, Белградом, Бендерами. 14 августа 1788 г. он был ранен в правую руку пулей на вылет. За общее отличие в боях с турками 9 июня 1790 г. он был произведен в капитаны. С 6 марта 1790 г. он служит в Белоруссии, 9 марта переводится в состав полка полковника Киреева, где содержит пограничную кордонную стражу. С 12 мая 1792 г. по 6 декабря 1793 г. находился в Польше в составе того же полка, но за смертью полковника Киреева переименованного в полк Серынова. Участвует в боях с польскими конфедератами при местечке Зелве 17 июня, Волковыске 18-го, 12 августа у Бреста, с 16-июля 1794г.продолжает пребывать в Польше в составе того же полка, добывая остатки повстанческих польских войск. За этот период 6 сентября 1794 г. он был за отличие в боях произведен в майоры. В 1796 г. по 16 апреля он участвует в схватках с поляками под местечками Групном, Кобылке, а затем, осенью, во взятии пригорода Варшавы Праги и при покорении самой Варшавы, чем был завершён третий раздел Польши и она перестала

существовать на географической карте Европы. С июля по декабрь 1799 г. он служит по внутренней службе по Войску Донскому, являясь членом Дербетовского калмыцкого правления и в это время, 5 октября 1799 г., был произведен в подполковники. Продолжает он служить в этой должности по 4 сентября 1800 г. Затем участвует с 1 марта по 17 апреля 1801-го года во всеобщем походе Войска Донского к Оренбургу (Индийский поход-А.З.), командуя донским казачим полком. С 6 октября 1801 г. по 20 февраля 1804 г. он находился в должности командира Донского казачьего полка в Казанской губернии, а с 22 ноября 1807 г. по день описываемых событий (и много далее-А.З.) находился с командуемым им полком на Кавказской линии¹⁴.

Как видим, вполне блестящий боевой путь, много славных страниц русской военной истории. И на первый взгляд и не к чему придраться! Но что же произошло 29 октября 1808 г.? На это может дать ответ только служебная переписка. И она полностью зачеркивает такой прекрасный формулярный список, сводя на нет все заслуги Филиппа Ивановича.

Командир 19-ой дивизии генерал-от-инфантерии С.А. Булгаков произвел следствие о прорыве закубанских горцев в количестве 1000 чел. в ночь на 29 октября 1808 г., которыми был угнан скот местных жителей (до 1000 голов), ограблены многие дома. Горцы убили одного казака и взяли в плен одну женщину¹⁵.

В ходе следствия удалось выяснить:

1. Неприятель при попытке переправиться на русский берег Кубани ниже поста Убежного на 2 км., в полночь был замечен часовым казаком, который в пикете поднял тревогу, сообщив о замеченном двум своим сменщикам. Они, увидя, что горцы уже переправляются через Кубань, сделали извещательный выстрел. Поэтому горцы бросились стремительно на русский берег Кубани прямо из воды, чтобы русские войска по казачьему сигналу не успели привести себя в боевую готовность. Казаки немедленно поскакали на пост Убежный и дали знать хорунжему Краснощекову, стоявшему там с разъездом полка Араканцева, который, немедленно отправил с известием о переправе закубанцев казаков в Прочноокопскую станицу к майору Лаптеву и на прочие кордоны вверх по Кубани. По всем постам эти известия дошли в 2 час. 30 мин. ночи. В силу этого было возможно не только отразить

горцев, но и пресечь проникновение их в глубь русской территории, если бы подполковник Араканцев, по получении известия о переправе неприятеля на русский берег, принял бы нужные к отражению этого набега меры, поспешнее собрал бы части войск и более рационально распорядился ими. Это ложилось на его плечи в связи с тем, что он был начальником дистанции на данном участке Кавказской линии. Мало того, выяснилось, что младшие офицеры его полка многократно убеждали его «к пресечению неприятелю обратной переправы»¹⁶.

2. Хорунжий Елисеев и казаки Денисов и Запороцкой, служившие в Донском казачьем полку Самойлова, утверждали, что войсковой старшина Самойлов будто-бы был извещен о прорыве закубанцев еще 29-го октября в 9 часов вечера, но с Невинного Мыса никуда не двинулся; сам же Самойлов утверждал, что достоверно о прорыве горцев он не знал и принял известие о нем за обычно случавшееся на Линии «хищничество», «ничего не обозначающее». Однако следствие выяснило, что Самойлов не был осторожен и «не исполнил должной предусмотрительности»¹⁷.
3. Находившийся у Недреманного ретраншаменты с отрядом егерей майор Горлебуш, служивший в 16-м Егерском полку, получив сведения об этом прорыве горцев, послал только для отражения врага раздробленные части войск; сам же он не выступил, объясняя это следствию тем, что он порученное ему отделение (дистанцию-А.З.) Линии, по поручению командования, сдавал в это время новому начальнику-капитану Суздальского мушкетерского полка Слепцову. Однако следствие выяснило, что Горлебуш получил известие о нападении в 6-м часу пополуночи на 29-е октября, а части войск сдал капитану Слепцову уже 31-го октября. Исходя из «недеятельности и беззаботности» майора Горлебуша, посланные им войска для отражения горцев не достигли успеха. Если бы «онь посланы им были совокупно, то бы и одних их достаточно было побить неприятеля»¹⁸.
4. Генерал-лейтенант Мусин-Пушкин хотя и узнал о прорыве горцев 29-го октября от майора Горлебуша поутру рано, но выступил из Ставрополя только в 10 часов утра, и будто не знал-где же прорвался

неприятель, и, пробыв в бездействии на Астраханском посту и в селении Богоявленском, возвратился в Ставрополь, объясняя следствию, что «не был ни от кого о месте нахождения хищников предуведомлен»¹⁹.

5. Начальник Прочноокопской крепости майор Суздальского мушкетерского полка Лаптев рапортовал следствию, что он не успел сделать надлежащих распоряжений по направлению частей войск для отражения горцев и сам остался в крепости, ссылаясь на то, что обманулся известием есаула Крамарова о расположении горцев в период их обратного движения. Но следствие выяснило, что командированный Лаптевым батальонный адъютант подпоручик Деханов с 30-ю мушкетерами уже в 12-м часу дня, выйдя из Прочного Окопа на то место, где горцы переправлялись через Кубань на русский берег, пришел и остановился, простояв там, около часу времени. За время этого стояния услышал пушечный выстрел, двинулся в направлении его звука, и «сколько не поспешал, но уже не застал сражения». Следствию подпоручик Деханов объяснил, что слышал этот пушечный выстрел тогда еще, когда спускался с горы к Убежному посту, но имея в виду приказание майора Лаптева следовать к переправе, полагал, что «майор имеет настоящее известие о стремлении неприятеля, не осмелился на оный выстрел идти прямо, а зашед прежде к переправе, и, слышав там уже, что и ружейная стрельба происходит, хотел было поспеть к месту тому, но ко времени сражения не успел, следственно нужным руководством от Лаптева снабжен не был»²⁰. Но силы, которыми он располагал, и не могли бы неприятелю преградить путь в ходе его набега!

С.А.Булгаков из всего этого сделал вывод, что все эти обстоятельства наводят на мысль, что все офицеры, как казачьи, так и армейские, **а более всего подполковник Араканцев**, вместо того, чтобы совместными усилиями защищать границу, друг другу не оказывали помощи и только «развлекали части войск, вместо соединения их, **особливо казаки команды Араканцева**, при виде неприятеля побежали под защиту пушек, оставя часть эскадрона на месте, отчего испугались лошади и достались в добычу неприятелю со всею амунициею»²¹.

Главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Грузии генерал-фельдмаршал граф И.В. Гудович сделал, в связи со всей этой историей, следующие организационные выводы: «подполковнику же Араканцеву, яко командиру собравшихся войск, не следовало спешивать драгун и казаков, дабы не показать неприятелю слабости войск, в коей он находился. По сему происшествию приказал Войска Донского **подполковника Араканцева отрешить от команды полком**, предать военному суду; равномерно 16-го Егерского полка майора Горлебуша, также и Таганрогского драгунского полка поручика Головинского, при нападении хищников лошадей потерявшего. Войсковому старшине Самойлову и Суздальского мушкетерского полка майору Лаптеву сделать выговор; за отбитых же драгунских 36 лошадей со всею конскою амунициею и прочие при том потерянные казенные вещи взыскать с **подполковника Араканцева, войскового старшины Самойлова и майоров Горлебуша и Лаптева**»²². Это решение главнокомандующего И.В. Гудовича помечено 5 февраля 1809 г. (т.е. все это время с октября 1808 г. шло судебное разбирательство - А.З.).

Касательно этой «конфузии» еще имеется описание событий, данное Мусиным-Пушкиным²³, где он выгораживает себя, обвиняя во всем донских казаков, стоящих гарнизонами в Недреманном ретранцаменте и Астраханском посту. Он сознается, что они его предупредили о вторжении горцев, но не указали ему – где именно это произошло²⁴.

Но это донесение не столь «колоритно» по сравнению с отповедью еще одного обвиняемого по этому делу - поручика Головинского 2-го, в которой донцы обмазаны такой черной краской, что смыть ее довольно трудно и как – либо обелить их после чтения этого документа становится невозможно.

Головицкий 2-й сообщает: «На 29-е число по полуночи в 3-м часу били в крепости Прочноокопской тревогу. Ту же пору дали мне знать от гауптвахты знаменного караула об оной. Я приказал таковую же и у себя произвести, собрав командуемый мною эскадрон на конюшню, оседлав лошадей, но, не имея никакого сведения от дистанционного командира Лаптева»²⁵. Далее Головинский 2-й послал к Лаптеву вахмистра с донесением, что эскадрон находится в готовности следовать, куда приказано будет. Майор же Лаптев через этого же вахмистра ему передал, чтобы он с половиною эскадрона (обер-

офицеров 3, унтер-офицеров 6, трубачей 2 и рядовых 60 чел.) к тому месту следовал, где горцы переправились²⁶.

Получив сообщение от есаула Крамарева, что закубанцы двинулись к селению Богоявленскому, поручик Головинский 2-й тоже двинулся туда со своими людьми. Потом майор Лаптев прислал приказание обследовать горы по Черной речке у села Богоявленского, но неприятель там не был обнаружен. Поэтому Головинский со своим полуэскадром двинулся наперерез неприятелю, к Державному посту, где и соединился с казаками подполковника Араканцева, поступив под командование последнего²⁷.

В это время есаул Крамарев с прочими казачьими командами отступал под напором закубанцев и дал знать подполковнику Араканцеву, что неприятель возвращается к переправе между постов Убежного и Западного. Когда он уже соединился с отрядом Араканцева, то сообщил последнему, что горцы, пока он их еще видел, перестреливаясь с ними, собирались уже переправляться ниже Западного поста, отправляя туда основные свои силы²⁸.

Далее поручик Головинский так рисует события: «Тут подполковник Араканцев приказал остановиться, при чем докладывал я господину подполковнику, чтобы занять брод. Но он отвечал мне, что место, выбранное им, выгодно для удара фронтом. Когда же неприятель стал приближаться к нам, то подполковник Араканцев приказал спешиться; по сему приказанию, спешив полуэскадрон, кроме тех людей, кои держали сомкнутых лошадей, **казаков же спешилось три части**, а часть сидела на лошадях; неприятель сначала вел свое стремление прямо на наш фронт, где я его отразил с потерей двух убитых и двух раненых драгун; после чего подполковник Араканцев приказал казакам сесть на кони, причем неприятель, пользуясь выгодным временем, бросился к правому флангу на казаков; казаки же от неприятеля на мой фронт так сильно обратились, что разорвали строевых лошадей, сомкнутых позади фронта, а неприятель, пользуясь тем временем, усилил свое стремление, отрезав лошадей, которых сколько я не употреблял способа возвратить, но не мог»²⁹.

Подполковник Араканцев, видя, что горцы одолевают и против них «устоять невозможно», прежде всего послал есаула Крамарева на Западный редут **за пушкой**, откуда казаки ее доставили. Но пока она подъезжала к расположению отряда Араканцева, горцы ее отрезали от русских. Пытаясь спасти орудие, Головинский со своими драгунами бросился на врага. По его

словам: «во все же время продолжалась перепалка более трех часов, когда мы были ими атакованы, одними драгунами и мушкетерами, не более 40 человеками. Казаки же подполковника Араканцева ничего не делали, кроме, что около пушек стояли (не известно, откуда взялись, ибо за одним единственным орудием было послано на Западный редут, а тут подразумевается несколько??! - А.З.), и ни одного нельзя было выслать во фланкеры, потому я и не мог в таком большом количестве неприятеля удержать с драгунами и пехотою, не имея от начальников никакой помощи; неприятель же переправился в возвратный путь пред вечером. После сего Суздальского мушкетерского полка пришла рота с орудием, но уже неприятель был не с той стороны, куда к ним было выстреляно 4 раза, чем отбили у них до двух сот голов скота и выбили из засады. При сем случае **подполковник Араканцев не известно мне куда уехал**, прислал уже после спросить, сколько у меня потери. О чем мною, что случилось, словесно есаулу Семенченкову сказано»³⁰.

Как видим, донцы здесь выказаны не в лучшей форме и выглядят вовсе не героями. Насколько это все верно-трудно судить, т.к. каждый из обвиняемых офицеров пытался обелить себя и найти крайнего виноватого. Тем более, что из окончательного результата следствия известно, что поручик Головинский 2-й, как он не пытался перенести свою вину за потерю лошадей на казаков, все равно был привлечен к суду за это³¹.

Окончательное решение по этому делу вынес уже новый главнокомандующий на Кавказе генерал от кавалерии А.П.Тормасов. Прежде всего, оно касалось выяснения роли в этих событиях генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина, что было сделано 26 июня 1809 года и звучало следующим образом: « во исполнение Высочайшего повеления о взыскании с генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина за отбитых закубанцами драгунских 36 лошадей со всею сбруею и прочими утраченными казенными вещами, хотя он и дал предписание; но как из объяснения Мусина- Пушкина видно, что ни упущения в преследовании хищников, ни медленности его не было, ибо хотя проводивший следствие майор Албанский и донес, что о прорыве хищников дано было знать Мусину-Пушкину рано по утру, но сей показывает, что получил известие, и то не основательное, в 10-м часу утра, и не имея верного сведения о месте прорыва хищников, приказал двум эскадронам следовать наипоспешнейше к селению Богоявленскому, а сам с лейб- эскадроном выступил туда же, полагая сие место,

по известию казаков, в опасности. Посему, находя сие объяснение противоречащим во всем сделанному майором Албанским исследованию, предает на разрешение...».³²

Но это уже было излишне, т.к. в дальнейшем своем производстве дело решалось на основе резолюции, принятой по нему еще 5 февраля 1809 г. предшественником А.П. Тормасова, генерал-фельдмаршалом И.В.Гудовичем. Она гласила: «Войска Донского подполковника Араканцева, отрешив от команды полком, предать военному суду, равномерно 16-го Егерского полка майора Горлебуша, также и Таганрогского драгунского полка поручика Головинского, при нападении хищников лошадей потерявшего; войсковому старшине Самойлову и Суздальского мушкетерского полка майору Лаптеву сделать выговор; за отбитых же драгунских 36 лошадей со всею конской амунициею и прочие при сем потерянные казенные вещи, взыскать с подполковника Араканцева, войскового старшины Самойлова и майора Горлебуша и Лаптева; от генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина требует он объяснения, что его остановило с добрым распоряжением кинуться к преследованию хищников»³³.

Последнее решение по этому делу высказал царь Александр I, поручив главнокомандующему на Кавказе А.П.Тормасову претворить их в жизнь. Как значилось в Приказе Военного министерства, «последовала Высочайшая резолюция, что все оное (решения И.В.Гудовича от 5-го февраля 1809г.-А.З.) Высочайшее утверждено, о чем генерал-аудиториату сообщить, а с генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина немедленно взыскать за драгунских лошадей, отбитых неприятелем; о поступке же казаков к должному замечанию «дать знать Войска Донского войсковому атаману Платову»³⁴.

Второй виновник неудачи со стороны Войска Донского, войсковой старшина Самойлов, оказался за свое «не исполнение должной предусмотрительности» наказан менее сурово, получив, как нам известно, только выговор за то, что не двинулся с Невинного Мыса ни в каком направлении. Небезынтересно узнать и его биографию. Происходил он из семьи священнослужителя, крестьян не имел. Звали его Григорий Самойлович. На 1808 г. ему было 41 год. Образовательный уровень его был традиционен на это время - умел по-русски читать и писать. Был женат, но в послужном списке не указано на ком, имел детей, но не указано каких (имена, возраст и пол-А.З., что

становится характерным для послужных списков после Отечественной войны 1812 г. Данный список 1815 г.)³⁵. Числился по станице Аксайской³⁶.

Что касается прохождения им действительной службы, то казаком он поступил на службу 1 января 1782 г., но в полк попал только 1 июля 1786г., до этого выполняя различные службы при станице. Он был направлен в полк полковника Степана Леонова и два года, до 1788 г. служил в С-Петербурге, содержа разьезды в столице. С этого времени служил в Лифляндской армии в составе этого полка вплоть до окончания войны со Швецией. В этот период, 1 мая 1789г. был произведен в полковые писари. Отличился при взятии шведской батареи у дер. Капиес. Затем находился на Дону, на «льготе», а 11 мая 1792г. поступает служить в полк полковника Степана Вершинина, который был направлен в Польшу, где участвовал в боях с конфедератами. В этот период полк участвует в разгроме польского корпуса и отбрасывании его за реку Буг. 6 сентября 1792 г. Григорий Самойлович был произведен в сотники. В 1794 г. участвует в разгроме корпуса генерала Грабовского при местечке Любоне. 18 ноября 1794 г. он уже есаул. При выходе в следующий «термин» - он уже командир отдельной казачьей команды на Приморской (Азовское море) Кривой Косе, служа здесь с 15 мая 1796 г. по 10 ноября 1797г. С этого времени он был отобран для службы во впервые организовывающихся в Войске Донском конно - артиллерийских ротах (в 1-й из них-А.З.). В составе донской артиллерии он в 1798 г. участвует в походе 22-х казачьих полков с Дона до Пинска и Брест-Литовска. За отличия по службе 22 сентября 1798 г. он был произведен в войсковые старшины. Затем, после отбытия очередной «льготы», Григорий Самойлович с 11 марта 1802 г. по 1805 г. состоял в Миусском сыскном начальстве членом. После этого была следующая «льгота», а с 31 декабря 1807 г. он выступил со вверенным ему полком на Кавказскую линию, где в ходе своей службы попал в эту щекотливую ситуацию, из которой сравнительно легко выбрался³⁷.

Что ж касается « главного донского виновника» - подполковника Араканцева, то он, очевидно, действительно был сурово наказан, т. к. в «Списке состоящих в Войске Донском служилым генералитету и штаб-офицерам за 1811г.» в графе о нем значится «под судом» (очевидно с 1809 по 1811 г.-А.З.), затем « под судом» зачеркнуто, а поверх его написано «на службе»³⁸. Отсюда теперь понятной становится запись в его послужном списке за 1812 год: «В

комплекте при полку 1811 –го года ноября с 1-го»³⁹. Т.е. он 2 года находился под судом. Чем суд окончился: оправданием или «высочайшим прощением»- в документах пока обнаружить не удалось, но странно то, что запись о суде не попала ни в один из последующих послужных списков: ни за 1812-й⁴⁰, ни за 1815 –й год⁴¹. Судимости действительно затем за беспорочную службу снимались, но не в первый же год после выхода из- под следствия!!! Мы можем привести примеры из эпохи 1801-1803 гг., когда осуждены, были и В.А. Быхалов и П.В. Янов 2-й (первый- полковник, а второй- подполковник) и хотя они были прощены или даже оправданы (Янов 2-й-А.З.), запись об их судимости фиксировалась в их послужных списках 3-4 года⁴². Здесь же, только Ф.И.Араканцев вышел из-под суда в 1811 г., а уже в списке 1812 г. значится, что «под судом или в штрафах» он «не состоял». Это очень странно. Ведь даже если у него на суде все закончилось хорошо, то для чего дело доводить до того, чтобы о нем вообще не писали. Более заслуженные и стоящие на высоте своего положения люди, поименованные в примерах из 1801-1803 гг. не считали для себя зазорным писать о своем пребывании под судом, а здесь вдруг выискался такой « невинно осужденный», который этого застеснялся! Это его не красит. Ибо сколько веревочке не виться, а тайное все равно становится явным! Не я, так другой бы напоролся в фондах РГВИА на эти порочащие подполковника Араканцева документы.

Итак, это была первая серьезная крупная неудача донских казаков в истории Кавказской войны, которая показала, что горцы, если им удастся создать ряд специфических условий в столкновении с сынами Тихого Дона, могут нанести им чувствительные удары. Закубанцы это почувствовали, они увидели, что Кавказская линия- это не непреодолимый монолит, что есть определенные места, где ее можно прорвать, и места эти находятся под охраной донских казаков. И затем, в период 1808-1809 гг. начинается целая серия набегов закубанцев именно через эти участки Линии, дававшие врагу почти всегда успех. Как это не больно сознавать, но в этих неудачах русских войск данного периода Кавказской войны были повинны именно «донцы-молодцы»!

Примечания

1. Клибанов А.И. Мастера исторической науки. // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв. М., 1984-с.6.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т8. М., 1955-с.46

3. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801- июнь 1802 гг.). // Казачий сборник № 1. Донской юридический институт. Ростов-на-Дону, 1998-с.264, 268-269.
4. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. 4. I-III. СПб, 1869.
5. Бутков П.Г. Указ. соч. т III- с.390.
6. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. «Кавказский край», Ставрополь, 1994-с.632
7. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества, русских на Кавказе. т. V. Склад издания В.А. Березовского. СПб, 1887
8. Захаревич А.В. Указ. Соч. // Казачий сборник № 1-с. 265-269
9. ГАРО, ф.344, оп.1, д. 181, л. 2
10. ГАРО, ф.344, оп.1, д.198 л. 27 об.
11. Там же-лл.27об.- 31
12. Там же-л.27об.
13. ГАРО, ф.344, оп.1, д.218 ,л. 60 об.
14. ГАРО, ф.344, оп.1, д. 198, лл. 27 об-31; ГАРО, ф.344, оп.1, д. 218, лл. 60 об.-63.
15. РГВИА, ф. ВУА, д. 6166, ч. 2-я, л. 9 об.
16. Там же - лл. 9 об-10
17. Там же-лл. 10-10 об.
18. Там же-л.10 об.
19. Там же-лл. 10 об-11
20. Там же-лл. 11-11 об.
21. Там же-л. 11 об.
22. Там же-лл. 11 об.-12
23. Там же-лл. 12 об. – 17 об.
24. Там же-лл. 13-13 об.
25. Там же-л. 18
26. Там же.
27. Там же-лл. 18-18 об.
28. Там же-л.18 об.
29. Там же-лл. 18об.-19

30. Там же-лл. 19-19 об.
31. Там же 6 об.
32. Там же-лл. 6-6 об.
33. Там же-лл. 6 об.-7
34. Там же-лл. 7-7 об.
35. ГАРО, ф.344, оп.1, д.218, лл. 115 об.-118.
36. ГАРО, ф.341, оп.1, д. 784, л. 40 об.
37. ГАРО, ф.344, оп.1, д.218, лл. 115 об-118.
38. ГАРО, ф.344, оп.1, д.138, л. 171 об.
39. ГАРО, ф.344, оп.1, д.198, л. 31.
40. Там же
41. ГАРО, ф.344, оп.1, д.218, л.63
42. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801- июнь 1802 гг.). // Казачий сборник № 1. Ростов-на-Дону, 1998-с. 253-254; 259.